

Джабраилов Ю.Д –
научный сотрудник Регионального центра этнополитических
исследований ДНЦ РАН , канд.полит. наук, y.djabrailov@yandex.ru,
тел. 89604165183

Взгляд современных религиоведов на конфессиональную политику советского государства на Северном Кавказе

Общеизвестно, что вероисповедная политика советского государства постепенно сводилась становлению атеистического государства и отходила от концепции светского государства, обеспечивающего гражданам права на свободу вероисповедания. Поэтому оценки, современных религиоведов, осознающих несправедливость отношений государства к верующим в советское время, в основном далеки от восхваления религиозной политики или же они вовсе не рассматривают в своих исследованиях данный период.

Взаимоотношения институтов государственной власти с духовенством в годы советской власти можно охарактеризовать как примат государства над конфессиями с антирелигиозной позиции, заключающегося в тотальном контроле над деятельностью религиозных организаций и сдерживании их активности.

Данная политика власти по отношению к религии и религиозным организациям отчетливо выявляется, в предложенной П.Ф. Рагимовой периодизации государственно-конфессиональных отношений взаимоотношений в советском государстве: 1) 1917-1922 гг период революционной секуляризации церковной собственности; 2) 1923 - 1927 гг. усиление идейной борьбы с духовенством, ликвидация конфессиональных школ и шариатских судов, начало применения административных и репрессивных методов борьбы с религией; 3) 1928-1933 гг. репрессивные

акты органов власти против конфессий и отдельных религиозных деятелей;
4) 1934 -1940 гг. практически полная ликвидация религиозных организаций.¹

Поэтапное ужесточение вероисповедной политики советского государства объясняется отсутствием необходимого идеологического и кадрового ресурса способного заменить привычный социальный порядок, базировавшийся на религиозных нормах. И на первых порах становления советской государственности мусульман даже заверяли о сохранении и обеспечении всех религиозных норм и прав.

В работе В.И. Ленин «Социализм и религия» указывалось о светском (не о атеистическом) принципе устройства государства: «... Религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии... Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякое даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены».²

Но становление советского государства на основе материалистической идеологии марксизма-ленинизма означало, что религия не сможет в полной мере вписаться коммунистическое будущее страны. На основе данной идеологии собирались не только осуществить масштабный проект мирового формата строительство коммунизма, но также реализовать не менее важный проект внутрисоюзного значения становления «советского человека». Следовательно, иные идеологии, в том числе и религиозные доктрины, на наш взгляд, рассматривались как отклонения от этого пути. Неслучайно все религии и религиозные организации рассматривались как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и «одурманению» рабочего класса.

Постепенное укрепление позиций советской власти в мусульманских регионах приводит к смене вектора отношений с мусульманским

¹ Рагимова П.Ф. Конфессиональная образование в Дагестане: история и современность: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2005, С.23

² Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т.12, 1968, С.143

духовенством от союза к общему наступлению на ислам и его служителей. Лозунгом II съезда Центрального Совета «Союз воинствующих атеистов» становится призыв: «Борьба с религией – есть борьба за социализм».³

Вот как данную политику власти отразил известный дагестанский исламовед Вагабов М.В.: «Хотя в те годы существовало общесоюзное конституционное законодательство о свободе совести и религиозных организациях, где предусматривались ограниченные гарантии прав и обязанностей верующих и конфессиональных общин, но, тем не менее, государственные чиновники и партийные функционеры сами публично нарушали соблюдение даже урезанных демократических возможностей; фактически объявляли войну религии, которая превратилась в масштабную политическую кампанию».⁴

Об отсутствии со стороны государственной власти воли для обеспечения конструктивного развития государственно-конфессиональных отношений свидетельствует факт того, что она проигнорировала уникальную возможность для этого. Так, к 1924 году сложились достаточно комфортные для этого условия в результате передачи религиозной сферы под контроль секретариата ВЦИК РСФСР и заявления наиболее крупными мусульманскими организациями о своей лояльности советской власти. Так, в частности, съезд духовенства Дагестана, состоявшегося в ноябре 1923 г. в сел. Кахиб поддержал советскую власть.

Как пишет М.А. Магомедов, «желая вытравить ислам из сознания народа, советские власти насильственными методами (через тюрьму, ссылки на Север, а то и прямой расстрел) ликвидировали плеяду блестящих дагестанских ученых-алимов. Коммунистам казалось, что если этой

³ Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала: ИИЭА ДНЦ РАН, 2007, С.7

⁴ Вагабов М.В. Дагестанскому исламоведению научную основу / Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень №1 (6), Махачкала, 2004, С. 107

питательной среды не будет, народ быстро отвернется от религии и забудет ее».⁵

Данная политика, безусловно, отражалась на потоке советских мусульман в Мекку, который как мы понимаем постепенно снижался, и в самом начале 1930-х гг. прекратился совсем. На просьбу арабских партнеров прокомментировать отсутствие паломников из Советского Союза представители советского руководства пытались убедить их в том, что совершение хаджа является исключительно личным делом верующих, и власти СССР не имеют к этому никакого отношения.

С началом Великой Отечественной войны конфессиональная политика государства заметно изменилась, прекратилась атеистическая пропаганда партийных органов, остановились репрессии против духовенства, была расширена издательская деятельность религиозных организаций, снимались ограничения на внекультовую деятельность, устранялись препятствия массовым богослужениям и церемониям, открывали мечети в мусульманских республиках, восстановили закат в пользу бедных.⁶

Именно в этот период, названный многими исследователями «атеистической оттепелью» 16 мая 1944 года было организовано в г. Буйнакске Духовное управление мусульман Северного Кавказа.⁷

Несмотря на лояльные заявления, советские власти практически не считаются с мнением официального духовенства, так как ДУМСК изначально не рассматривалось, как самостоятельная структура, действующая в интересах верующих и координирующая их деятельность. Порой партийные власти на местах препятствуют ДУМСК открытию мечетей даже после получения муфтиятом официального разрешения.⁸

И падению авторитета ДУМСК среди верующих не пришлось долго ждать. Ведь оно вынуждено было претворять в жизнь указания

⁵ Магомедов М.А. Истоки современного мусульманского экстремизма // Россия и современный мир, 2006, №4(53), С.123

⁶ Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала, : ИИЭА ДНЦ РАН, 2007, С.10

⁷ ЦГАРД. Ф.р-352. Оп. 9. Д.1. Л.2.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 551. Л. 97

государственных органов носящих, как правило, антирелигиозную направленность.

По мнению А.Б. Юнусовой, официальное мусульманское духовенство не только превратилось в послушного исполнителя воли государства, но и открыто отказывалось от устоявшихся религиозных принципов, служебных и обрядовых догматов, пропагандировало советский образ жизни, отработывая те крохи свобод, которые были предоставлены религии.⁹

Так, председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А. Пузин 19 апреля 1963 года в специальном распоряжении запрещал уполномоченным закрывать молитвенные здания под предлогом нарушения требований санитарной или пожарной инспекции и объявил такой подход властей нарушением советского законодательства о культах, вызвавшим, «большие недовольства верующих»¹⁰

Чиновники, тонко чувствующие стратегию правящей партии и советского государства на секуляризацию религиозного сознания и закрытие молитвенных домов, не реагировали на замечание своих же коллег.

Компетенция религиозных общин была настолько сужена, что им приходилось порой несколько лет ждать разрешения от властей на ремонт протекавшего чердачного перекрытия мечети. Местные и районные власти усматривали в этом нарушение советского законодательства о культах.¹¹

Инструкциями ВЦИКА запрещалось обсуждать на молитвенных собраниях экономические, политические и культурно-просветительские вопросы. Религиозные организации в советском государстве не имели права также открывать детские, юношеские и женские кружки. Устанавливались ограничения, а затем и полный запрет на благотворительную и хозяйственную деятельность. Государство имело право изъять здание религиозного культа, в случае своей надобности. Это означало, что религиозные организации не могли пользоваться правом юридического лица.

⁹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. М., 2007, С. 281

¹⁰ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 26, л. 10-11

¹¹ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д.47, л. 7

Республиканские власти продолжали называть всех суфиев, пытавшихся в тех условиях сохранить религиозные устои в обществе «шейхствующими элементами» и «религиозными экстремистами», а председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский еще в 50-е гг. отнес их к «политически реакционным элементам».¹² Активация борьбы ДУМСК с шейхами и обрядами традиционного ислама, вызвали противоположную реакцию верующие не потеряли к ним уважения, но стали испытывать неприязнь к официальному духовенству.

На самом деле считает И.Х. Сулаев «религиозный экстремизм» и «реакционность» большинства суфиев в Дагестане состояла в тайном обучении ими детей и молодежи Корану и основам ислама, расширения своей общины и вовлечения в нее новых мюридов. Они выступали против жесткого государственного контроля за духовной жизнью верующих и объявляли муфтият и зарегистрированных кадиев «слугами коммунистов».¹³

По мнению Д. Макарова, «реакционность» и «экстремизм» последователей суфизма сводился лишь к нежеланию сотрудничать с органами партии и госбезопасности, словесной критике «безбожной» советской власти и стремлению продолжить, по мере возможности, обучение молодежи основам ислама.¹⁴

Как видим, позиции современных религиоведов о советской вероисповедной политике носят критический характер. Тем не менее, параллели к современному этапу становления государственно-конфессиональных отношений позволят наглядно сравнить и выявить реальные изменения, происходящие в деле обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания и защиты их религиозных чувств, избежать перегибов в вероисповедной политике и нахождения оптимального баланса интересов граждан независимо от их отношения к религии. Препятствия

¹² ГА РФ, ф. р-6991, оп.3, д. 551, л.63

¹³ Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений 1917-1991 гг., Махачкала, 2009, С.271

¹⁴ Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000, С.4

исторический опыт позволяет также отмечать об ошибочности государственной политики, направленной на вытеснение религии из социальной реальности и попытки сделать ее скорее традицией.